

С.И. Дубинин (Россия, Самара)

**ЛАТЕНТНЫЙ МИЛИТАРНЫЙ ДИСКУРС РЕЙХСВЕРА:
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ДВУЯЗЫЧНЫХ ВОЕННЫХ
СЛОВАРЕЙ И ПОСОБИЙ**

В статье рассматриваются источники и особенности латентного военного дискурса германского рейхсвера 1920-х гг. как предшественника нацистского вермахта, анализируются ситуации создания и содержание немецко-русских и других военных словарей, пособий по переводу как репрезентантов «легальной разведки» в отношении СССР как одного из потенциальных противников Германии.

Ключевые слова: *рейхсвер, военный дискурс, военная литература, персоналии, Мирзинский, военный перевод, общице двуязычные словари, тезаурусы, пособия, «легальная разведка».*

Изучение военного немецкоязычного дискурса XX века и его репрезентантов стало одной из новых и актуальных тем в отечественной германистике. Наглядно это представлено в нашем исследовательском проекте на базе разнообразных лексикографических источников – двуязычных словарей и разговорников для вермахта периода Великой отечественной войны 1941-1945 гг. [Дубинин 2015].

Цель данной статьи – попытка ретроспективно расширить круг источников, наметив их исторический контекст, личности и деятельность акторов дискурса (персоналии), провести содержательный анализ военных лексикографических и смежных с ними изданий в Германии 1920-х – начала 1930-х гг., когда военный дискурс был подконтрольно заключен в «жесткие рамки» после сокрушительного поражения кайзеровской империи в Первой мировой войне. Эту ситуацию можно обозначить как бытование раз-

новекторного «латентного военного дискурса», акциональная и источниковедческая базы которого мало изучены.

Исследователи отмечают, что т.н. латентный дискурс (скрытый, «идеологический», также латентный уровень дискурса/квазидискурса) представляет собой намеренно порождаемые участниками дискурса скрытые смыслы, мифонимы, иносказания, семиотические подтексты и манипулятивные сценарии/фреймы, сознательно не выраженные напрямую в порождаемых текстах и/или в коммуникативных ситуациях [Трушина 2001]. Это явление характерно, например, для коммуникативных стратегий активного воздействия на адресата (реклама, PR). В случае с военным дискурсом в «пост-кайзеровской» Германии 1920-х гг. в установившейся реваншистской ментальной парадигме это реализовалось в идеолого-манипулятивных практиках рейхсвера (и его ключевых акторов) как предшественника нацистского вермахта в ситуации выхода из «унижения», обоснования/подготовки военно-политического реванша, реализации агрессивных стратегий в Европе, а затем в частности и в отношении СССР.

Отдельная тема в данном противоречивом, многовекторном контексте – «лингвистический след»¹ дискурсивных тактик ограниченного сотрудничества vs взаимной «легальной разведки» рейхсвера и РККА 1920-х начала 1930-х гг. [Горлов 1993], что в этой статье не затрагивается.

Уже в 1919 году после подписания ультимативного Версальского договора, роспуска более чем четырехмиллионной имперской армии, масштабной демобилизации в Веймарской республике началось создание новой армии – рейхсвера, первоначально как «временного». В 1920 году эти вооруженные силы были преобразованы в 200-тысячную «переходную армию». Рейхсвер сформировался как профессиональный (созданный по найму) контингент,

¹ Лексикографические материалы (словари, словники, пособия и т.п.), относящиеся к германо-советскому военному сотрудничеству не доступны исследователям.

как квази-армия в вдвое меньшем размере к 1921 году согласно республиканскому военному закону [Wehrgesetz 1921]. Германия обязывалась соблюдать кроме огромных репараций и радикальной демилитаризации строгие ограничительные меры в отношении армии, превращавшие её в охранно-полицейские силы. Ослаблялась и воинская подготовка, распускались военные академии, школы [Корум 2007], замещенные т.н. “Waffenschulen”. Закреплялась децентрализация: «армии» (Landsmannschaften) образующих Германию государств (земель, Freistaaten) предназначались для поддержания на ее территории порядка и как пограничная полиция.

Но эти меры стран-победительниц не привели к т.н. «духовной демобилизации». После ратификации в 1920 году Версальского договора в Веймарской республике началась кампания за пересмотр/отмену его условий, особенно пункта об ответственности за развязывание войны. Травмированное общественное мнение отрицало справедливость наказания республики за деяния кайзеровской Германии, на которую возлагалась вина за развязывание и последствия войны, а «лицо армии» не было сохранено. Неудачей закончилась организация странами Антанты в 1921 – 1927 гг. уголовных судов над военными преступниками Германии («Лейпцигские процессы»). Перманентно росли реваншистские настроения (ср. «мобилизационный» лозунг: “*Wahr Dich! Wehr Dich! Wach auf!*”), усилившиеся после занятия в 1923 – 1925 гг. союзниками Рурской области, что показало слабость, неготовность рейхсвера к противостоянию.

В контексте использования традиционного *der Soldat* примечательно обозначение низших воинских чинов рейхсвера как *der Wehrmann* (мн. ч. *Wehrmänner*, реже *Wehrleute*), *Oberwehrmann*, *Wehrverpflichtete*, что использовалось, например, для низших званий и в «Стальном шлеме» – самой многочисленной среди военно-политических организаций т.н. «черного рейхсвера» 1919-1930 гг., влившихся в состав нацистских штурмовиков СА. Лексема имела спектр диффузных значений: «воин, солдат,

воинский чин; «пожарный»; (мн. ч.) «горноспасатели», (устар.) «защитник, ополченец, рекрут». Лексема *die Reichwehr* имела в актуальном узусе значения «госзащита; государственное ополчение» [Павловский 1922: 358; DWDS]. Показательно, что в названии дочерней упомянутому «Стальному шлему» парамилитаристской организации “**Wehrwolf**” (1923-1933 гг.) в качестве базовой лексеммы обыгрывались *die Wehr* «оборона, сопротивление, оружие» и омонимичный ей древнегерманский мифоним (мифема) *der Werwolf* «оборотень, человек-волк».

В этой связи в идеологически наэлектризованном ассоциативном контексте в Германии 1920-х гг. следует упомянуть всплеск популярности и «переактуализацию» романа Германа Лёнса (Herman Löns, 1866-1914), погибшего добровольцем на западном фронте, “*Der Wehrwolf: eine Bauernchronik*” (1910 г.). Роман повествовал о борьбе крестьянского ополчения в период тридцатилетней войны с иноземцами-мародерами. Автор использовал игру слов с использованием имени главного героя – предводителя сопротивления: *Harm Wulf – wehrender Wulf/Wehr-Wulf /Wehrwolf*. Он был многократно переиздан в 1919-1933 гг. крупными тиражами, став бестселлером в Третьем рейхе. Используемая в романе символика оружия партизан *die Wolfsangel* «волчья петля (капкан)» в 1920-е гг. трансформировалась в нацистскую корпоративно-боевую геральдику (*Wehrhaftigkeit*), бытуя наряду с графически схожей свастикой [DWDS].

Милитарная, в частности малочисленная (по имеющимся данным) немецко-русская, лексикография рейхсвера как «подсанкционной квази-армии» уникальна, во многом проникнута латентными смыслами, поскольку официально военная доктрина Германии в ситуации санкций официально не декларировалась. Позиционирование России (РСФСР, с 1923 г. СССР) в этом контексте как потенциального военного противника, особенно после подписания двустороннего договора в Рапалло (04.1922 г.), а затем в течение нескольких лет, не имело места. Напротив, командование

рейхсвера в своих целях выступило за выгодное скрытое сепаратное военно-техническое сотрудничество двух стран.

Примечательно, что упоминание СССР как возможного военно-стратегического противника отчетливо прозвучало впервые в 1927 году в ситуации кризиса англо-советских отношений и угрозы масштабной войны СССР с некоторыми европейскими странами от министра рейхсвера Отто Гесслера в контексте начавшегося политического лавирования, позиционирования Германии в отношении альянса стран-победительниц. Часть командования и отдельные группировки в рейхсвере, в частности бывшие участники фрайкоров типа Wehrwolf с их лозунгом «крестового похода на восток», и формирования, сотрудничавшие в 1918-1920 гг. в Прибалтике с белогвардейским движением, не отказались от агрессивно-экспансионистских настроений в отношении СССР как противника. В «независимой» военной периодике нередко были антисоветские ноты. Значимы были и «квази-победные реминисценции» после аннулирования (11.1918 г.) унизительного для России Брестского мира. Но Германия не имела стратегий наступательной войны, ориентируя рейхсвер на оборону, тем более в ситуации проблем его финансирования и жесточайшего перманентного экономического кризиса.

Очевидно, что в распоряжении рейхсвера находился обширный «лексикографический архив» кайзеровской армии – военные немецко-русские словари и разговорники, пособия и т. п., использовавшиеся в войне против Российской Империи [Дубинин 2016: 153-156], содержание и реалии которых, однако, устаревали. Несомненно, что следует рассматривать появление двуязычных словарей и пособий именно для рейхсвера в контексте общего оживления изданий/переизданий разного объема и формата по русистике начала 1920-х гг. (словари, учебники, самоучители, разговорники, письмовники, страноведческие хрестоматии и т.п.) [Heeke 2003: 120-121]. По данным каталога Германской национальной библиотеки (DNB, <https://portal.dnb.de/opac.htm>) в 1919-1930 гг. издано /переиздано около 15 общеязыковых и специаль-

ных немецко-русских словарей. Примечательно появление/актуализация в общезыковых и учебных немецко-русских словарях, вышедших в данный период в Германии, реалий и соответствующих им помет типа *Militärwesen* «военная часть» [Павловский 1922] и *Militär* «военное дело» [Langenscheidt 1929], что их авторы считали важнейшей новацией в обоих рассматриваемых языках.

Симптоматично появление именно в конце 1920-х гг. публикаций: “*Der russische Dolmetscher*” (1926 г., 2-е изд. 1933 г.) и “*Deutsch-Russisches, Russisch-Deutsches Militärwörterbuch*” (1928 г.). Обе вышли в крупном берлинском издательстве “*Offene Worte*” (осн. в 1920 г.), отразившем в своем названии, как якобы независимого предприятия, в форме устойчивого выражения (ср. *mit offenen Worten sprechen/reden*) антиверсальский, протестный принцип «новой гласности».

Они были частично отпечатаны фразатурой¹, ставшей на фоне реваншистских веяний идеолого-семиотическим маркером, олицетворением возрождения национальных традиций/достоинства, а распространённая в Европе антиква (округлый шрифт) – свидетельством чуждости «немецкому духу». Отметим устойчивость архаичного готического курсива (старо-немецкий почерк) в школах и в рейхсвере.

“*Offene Worte*” выпускало разнообразную, нередко реваншистски и расистски идеологизированную военную и учебную литературу, милитарную беллетристику, справочники, карты, календари, военную публицистику, книги для служебного пользования рейхсвера, а также для полиции как «теневого армии». В частности, это переиздания справочника-самоучителя с недвусмысленным подзаголовком “*Der Infanterist (Handbuch für Selbstunterricht und Ausbildung der jungen Frontsoldaten der Infanterie) (Teile 1-4)*” (1925 г., 1928 г.) под редакцией капитана Ганса-Валентина Хубе

¹ Но в словаре для рейхсвера и в рекламе сохранилась и привычная антиква (см. Рис. 1).

(Hans-Valentin Hube, 1890-1944), в 1925-1932 гг. штабного работника и преподавателя, а также объемный военный справочник “Deutsches Reichsheer-Handbuch” (Teile 1-2, 1923-1924) под редакцией полковника фон Этцена (Karl Ludwig von Oertzen, 1876-1934), бывшего с 1922 года пресс-атташе, в 1925-1926 гг. руководителя отдела новостей и информации министерства обороны.

Отметим также публикацию в „Offene Worte“ в достаточно широком спектре военной периодики других специализированных издательств журнала для рейхсвера “Kriegskunst in Wort und Bild” (с 1924 г.; выходил с 1921 г. под названием “Militärwissenschaftliche Mitteilungen”) и брошюры “Der Werdegang des Reichwehrsoldaten” (1925 г.). В справочнике этого издательства “Die Heere Europas: Ein militärpolitisches Handbuch” (1926 г.) дана отдельная характеристика и армии современной России. Его автор подполковник М. фон Викторин (1883-1956), в 1924-1926 гг. министерский офицер связи в федеральных войсках Австрии, служил с 1927 года в разведывательном отделе «иностранные армии», а затем в вермахте.

Примечательна на фоне отмеченных персоналий личность титульного редактора (в предисловии как Verfasser) пособия “Der russische Dolmetscher” Курта Мирзинского (Kurt Mierzinsky, 1879-1951), штабс-офицера, подполковника в отставке, бывшего сотрудника генштаба имперской армии. Указание его на титуле как “Oberstleutnant a. D. ehemals im Großen Generalstab” респектировало традицию кайзеровской армии.¹ Но данных о знании Мирзинским русского языка или практики его преподавания нет. С 1925 года он работал в министерстве обороны на особой «квази-гражданской» должности Landschutz-Offizier (т.н. земельная охрана), с 1926 года в отделе войскового управления. Фактически это был сектор замаскированного генштаба (Gruppenamt 3: Fremde

¹ В этой связи примечательно почтительное обозначение в справочной литературе рассматриваемого периода бывшей кайзеровской армии как “*altes Heer*”.

Heere)¹ и часть спецслужб военной разведки. Мирзинский, курируя «русское направление», вел картотеку комсостава РККА, отвечал за языковые вопросы. Получив на закате рейхсвера звание полковника, продолжил службу «особистом» в вермахте.

Целевой группой пособия обозначены офицеры рейхсвера, подготовку которых как высокопрофессионального и кадрово однородного ядра с 1920-х гг. развернул в опоре на прусскую традицию, без радикальной чистки «имперских кадров» согласно своей концепции воссоздания армии генерал Ханс фон Сект (Hans von Seeckt, 1866-1936), командовавший сухопутными войсками в 1920-1926 гг. Версальские ограничения были направлены против укрепления офицерского состава, возможностей ротации/переподготовки, лимитировав его в сухопутных войсках (с 34.000 в имперской армии до 4000 чел. с 25-летним сроком службы). Фон Сект форсировал их ротацию, углубленное переобучение и восстановление имиджа кадровиков.

Эту целенаправленную политику продолжил сменивший «строителя рейхсвера», его соратник и «правая рука» генерал Вильгельм Хайе (W. Heue, 1869-1947), командовавший в 1926-1930 гг. сухопутными войсками. Руководство рейхсвера вынашивало идею готовности к «освободительной войне» к концу 1920-х гг. Возглавлявший в 1920-1928 гг. министерство обороны упомянутый «гражданский чин» д-р Отто Гесслер (O. Geßler, 1875-1955),

¹ Руководил в 1924-1928 гг. отделом («статистическим подразделением») подполковник Курт Либман (Curt Liebmann, 1881-1960), командовавший в начале 1920-х гг. частями немецкого контингента в Грузии, курировавший затем контрразведку / военных атташе посольств, содействуя на командных должностях перевооружению рейхсвера. Позиции «отдела» стратегически укрепил, консолидировав спецслужбы рейхсвера, сменивший его в 1928-1930 гг. полковник Эрих Кюленталь (Erich Kühlenthal, 1880-1958), бывший затем в звании генерала военным атташе во Франции, Испании и Португалии. Завершил историю отдела (1930-1933 гг.) полковник Герберт Фишер (Herbert Fischer, 1882-1939), бывший адъютант Х. фон Секта, военный атташе в Венгрии и «скрытый участник» гражданской войны в Испании.

стратегически солидарный с фон Сектом, поддерживая политику кадрового укрепления рейхсвера и тайное, без жесткого контроля вооружение в обход версальских установлений, был однако более озабочен политизацией армии и ростом ее влияния в обществе.

Середина 1920-х гг. с ослаблением некоторых позиций Версальского договора и относительной экономической стабилизацией в Германии в 1926-1929 гг. стала переломной для судеб рейхсвера. В 1925 и в 1932 гг. президентом был избран активно покровительствовавший армии фельдмаршал Пауль фон Гинденбург (1847-1934), авторитетный военный аристократ, видный командующий восточного («русского») фронта и начальник кайзеровского генштаба на момент окончания войны, сторонник военно-политического реванша и ослабления парламентаризма.

Осенью 1926 года Германия вышла из международной изоляции, вступив в Лигу наций, рассчитывая добиться отмены военных статей Версальского договора и легализации вооружений. В итоге дипломатических усилий (в частности Берлинского договора о ненападении и нейтралитете с СССР) был решён вопрос о снятии с Германии военного контроля межсоюзнической комиссией и ограничений численности армии, позволив усилить кадровое строительство и перевооружение рейхсвера. С 1926 года началась скрытая подготовка к увеличению рейхсвера, представлявшего из себя уже к 1930 году относительно полноценные вооруженные силы. В 1927 году его численность достигла 350.000 чел., возрос бюджет. Не случайно, что перед отставкой министр рейхсвера О. Гесслер декларировал создание основ новой армии – *die junge deutsche Wehrmacht* [Heeresverordnungsblatt 1928].

Совмещавший в дальнейшем должности министра рейхсвера и внутренних дел в 1928-1931 гг. опытный, влиятельный политик генерал Вильгельм Грёнер (Wilhelm Groener, 1867-1939), бывший замначальника генштаба кайзеровской армии в 1918 году и соратник Гинденбурга, командовавший отводом армии после капитуляции с западного фронта, упрочил положение рейхсвера и сотрудничеством с гражданской властью.

В предисловии издание “Der russische Dolmetscher” закономерно обозначено как современное вспомогательное средство (Hilfsmittel) для офицеров рейхсвера, готовящихся к экзамену по переводу (das russische Dolmetscher-Examen), при этом указана позиция устного переводчика (Dolmetscher). В 1929 году рейхсвер уже открыто финансировал изучение русского языка, а еще ранее – соответствующие языковые стажировки офицеров. Была создана система курсов, дающих также и низшим чинам знания по востребованному ими иностранному *языку*. Современники отмечали, что Первая мировая война стимулировала развитие в Германии потребностей перевода, в частности с русского языка на немецкий язык и обратно, профессии переводчика, массовое появление школ перевода. Нередко их состав рекрутировался из этнических немцев-переселенцев с утраченных Германией земель, из многочисленных в 1920-е гг. в Германии русских эмигрантов. В середине 1920-х гг. этот спрос возрос, в частности в официально-дипломатической сфере (Konferenzdolmetschen), как и потребность углубленного обучения. Свое место здесь заняли организованные министерством рейхсвера курсы с выдачей диплома действительным военнослужащим [Schneider] ¹.

В переводческом пособии Мирзинского, которое в своей основе представляет тематическое двуязычное собрание текстов (немецкие тексты первичны), отмечена необходимость овладения обучающимися новыми правилами русского правописания и чтения. Указано, что компилятивное пособие (названо BÜchlein) составлено как на базе новых доступных советских источников (сочинений по военному делу, справочников РККА и т.п.), так и трофейных документов (также рукописных) Первой мировой войны [М., S.1]. Комментирующие сноски в гипертексте маркировали

¹ Диплом переводчика (1925 г.) имел видный разведчик генерал Курт Шпальке (K. Spalcke, 1891-1967), в 1920-е гг. сотрудник упомянутого отдела Т-3 войскового управления («генштаб рейхсвера»), сопровождающий офицер прибывавших в Германию на учебу/маневры командиров РККА.

необходимые разделы пособия, приложениями даны планшетные одноверстовые карты.

Содержательная рубрикация пособия Мирзинского в основном отражает характеристики сухопутных сил, что было актуально и ближе к специфике рейхсвера как «пехотной армии», в следующих разделах: *Организация высшего военного командования; Воинская обязанность; Воинская подготовка молодежи; Организация и вооружение Красной Армии; Военно-учебные учреждения; Артиллерийские газы; Обмундирование, знаки различия и звания в Красной армии; Полевая служба; Военная история; Оповещение; Перемирие*. В разделе «Краткие заметки по-русски» даны информативные тексты о рейхсвере.

Примечательно, что первый из трех очерков раздела военной истории (имеется в виду РККА) касается неудач и поражений в советско-польской войне 1919-1921 гг. (названа «русско-польской») и отмечен негативными оценками организации, боеготовности, ресурсов советской стороны [М., S.71-73]. В этой тональности во втором очерке идет речь и о неизбежном поражении «старой России» в Первой мировой войне, к которой она якобы не была готова [М., S.74-77]. На отрицательном фоне в разделе «Краткие заметки по-русски» рисуется как образцовое устройство рейхсвера как профессиональной контрактной армии, поступление в которую реализует достойную офицерскую карьеру [М., S.89-91].

Текстура пособия представляет собой чередование переводных немецко-русских текстов для чтения и установки на упражнения для их перевода (*Übersetzungs- und Lesestücke*): рекомендуется сначала перевести немецкий текст без опоры на русский вариант, сравнив затем результат с приведенным оригиналом, а затем повторить упражнение наоборот [М., S.4]. В текстах на русском языке повсеместно отмечены ударения в словах, что указывает на отработку их орализации. Немецкий и русский тексты при этом часто в переводах не абсолютно эквивалентны.

Но формату устного разговорника в пособии соответствуют лишь небольшие разделы «Задержание перебежчика, пленного или местного жителя» и «Рассказ пленного о своем пленении» [М., S.92-100]. Традиционный для разговорников раздел составили лексические обозначения денежных единиц, мер и весов [М., S.144-145]. Лексические спецноменклатуры отражены в завершающих разделах: картография, названия родов войск РККА, общезыязыковые аббревиатуры [М., S.101-122].

Будущий офицер-переводчик также ознакомился с образцами рукописных текстов (еще трофейных!), должен был декодировать их [М., S.123-143]. В вводной части пособия отмечена важная для будущего переводчика (в особенности устного) языковая информация – наличие практик в воинских частях РККА по национальному принципу: «Также командный язык национальных дивизий не велико-русский, а родной язык соответствующей местности» [М., S.7].

Рис. 1. Обложки двуязычного военного пособия, словаря для рейхсвера и рекламы издательства

В 1928 году вышел анонсированный одновременно с «Русским переводчиком», вдвое больший по объему польский вариант пособия: Stern-Gwiazdowski, H. von (Stern, Egon von). Der polnische Dolmetscher. Berlin: Verlag „Offene Worte“. 1928, 240 S. Но его

рубрикация (она двуязычна) значительно отличается. Более детальная, всесторонняя информация дается о боеготовности и вооруженных силах Польши, которую упомянутый главный создатель и стратег рейхсвера Х. фон Сект считал основным ближайшим стратегическим противником Германии, не признавшей как аннексию установленные с ней по итогам Первой мировой войны границы. Не случайно, что первый раздел начинается рубрикой “Die Grenzen Polens”: реваншистские настроения в Германии были особенно сильны именно в отношении Польши, поскольку в ее пользу территориальные потери были наиболее значительны.

В рубрикации польского пособия, более ориентированного на штабную работу аналитиков, двуязычный разговорник не выделен. Отмечены лишь кратко и дисперсно военные номенклатуры (аббревиатуры, воинские звания, награды), милитарные фреймы – шаблоны донесений, приказов/боевых команд, приведены копии рукописных военных документов, карты, названия денежных единиц. Внимание уделено военно-политической и тактико-стратегической характеристике, укреплениям, мобилизационному резерву польских вооруженных сил – ближайшего потенциального противника, персоналиям крупных военачальников (Й. Пилсудский, Е.М. Михелис).

Хотя военные планы рейхсвера были и в отношении Польши в основном оборонительными, в центральной части пособия отмечались и анализировались форматы активной обороны с акцентом на наступательные действия, локальные контратаки (разделы “Die Verteidigungssysteme und der Krieg”, “Kleinunternehmungen und Kleinkrieg”). В 1928 году рейхсвер провел «германско-польские» сценарные маневры.

В 1928 году вышел упомянутый объемный прямой и обратный алфавитный немецко-русский военный словарь с приложениями (без указания авторства), который, вероятно, использовался и в практике германо-русского неофициального сотрудничества рейхсвера с РККА. В 1928 году издательство “Offene Worte” выпустило серию таких двуязычных военных словарей по основным

европейским языкам: итальянский, польский, французский, английский и чешский ¹, но русский словарь был самым объемным, отразив практику военного сотрудничества.

В предисловии отмечается, что издание стало своеобразной реакцией на дискриминацию на фоне разоружения Германии на новейшую иноязычную военную литературу. Словарь задумывался как выходящий за рамки кратких словарей кайзеровской армии «для солдатского ранца» (*Tornisterwörterbücher*) с привлечением определенного пласта военно-технических терминов. Он предназначался для работы с военной литературой и уставами, но не с узкоспециальными или научными текстами, ориентируясь на пользователей для целей письменного перевода (обозначенных *Übersetzer*), имевших навыки грамотности по-русски (по-немецки). Поэтому издание рекомендовано при переводческой работе в комплексе с общеязыковыми и с терминологическими словарями.

Анонимные авторы отмечают ориентацию на расширение и изменения в предметной сфере «современной войны», имея в виду практику мобильных войн 1920-х гг. В Европе и в Северной Африке в этот период имели место локальные военные конфликты и войны, в частности упомянутая советско-польская война. В основном лексемы и речевые обороты снабжены в словаре некоторыми ключевыми тематическими пометами из военной и из смежных сфер. Их 12: *артиллерия, химическая война, электричество, грузовой транспорт* ², *воздушная война, морской флот, средства связи, саперное дело, медицина, общетехническая сфе-*

¹ Отметим на титуле французского (с указанием Бельгии), чешского и польского словарей реваншистскую помету о переименованных «отторгнутых немецких землях»: *Verzeichnis der in deutschen abgetrennten Gebieten umbenannten Orte*. В середине 1930-х гг. английский и французский словари в расширенном виде переизданы для вермахта.

² В духе принятой в рейхсвере иносказательной информационной стратегии имелись в виду и запрещенные танковые войска (ср. *die Kraftfahrtruppen*).

ра, ветеринарное дело, вооружение. Приложение содержало русские военные аббревиатуры, названия денежных единиц, мер и весов, знаки Морзе, топографические переименования советского периода [MWb., S.3-4].

Вероятно использование данного словаря и в ситуации основной дискурсивной практики рейхсвера, на маневрах и учениях, в штабной работе, где по скрытой договоренности задействовался комсостав РККА.

Таким образом, для рейхсвера как активно формирующейся, мобильной, потенцированной резервной армии были необходимы новые лексикографические ресурсы (словари, словники, разговорники, справочники и т. п.) на языках стран – вероятных военно-стратегических противников в Европе. Но этот «контент» в его немецко-русской части закономерно еще не был значителен. Он не был также ориентирован на форматы «словаря для солдата» как отражение практики военных действий, что в последствие реализовал нацистский вермахт, поскольку СССР не выступал возможным противником Веймарской республики в ситуации их, хотя и недолговременной, «конвергенции». Впрочем, лабильная динамика отношений и кооперации двух стран 1920-х – начала 1930-х гг. определялась отсутствием доверия, опасением тактической смены сторонами их военно-политических ориентиров, рейхсвер в идейно-политическом плане во многом оставался «государством в государстве».

Обнаруженные в данном пилотном проекте источники – учебные и вспомогательные материалы для «легальной разведки» рейхсвера, которая была в основном ориентирована на получение/анализ информации об РККА в аспекте оптимизации собственного военного строительства, кадрового «тренинга» как во многом резервной армии, а не агрессивных стратегий, к которым в конце 1930-х гг. перешел нацистский вермахт. Рейхсвер до конца 1920-х гг. позиционировался в стратегическом сценарии отказа Германии от военного решения территориальных споров, в частности на востоке. Но перманентная интенция «отложенного» ре-

ванша, последствия которого могли быть различны, питала милитарный дискурс в Германии 1920-х гг., который реализовывался в латентной форме.

Библиографический список

1. Горлов С.А. и др. Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе // Военно-исторический журнал. 1993. №6. С.39-44; №7, с.41-44; №8. С.36-42. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/statii/2001/sotr_ger.php (дата обращения: 19.12.2022).

2. Дубинин С.И. Дискурс завоевателя (на материале немецко-русского словаря для солдата 1941 г.) // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты. Материалы II-й научной конфер. с междунар. участием. – Самара, 2015. С.29-35.

3. Дубинин С.И. Военный разговорник для солдат вермахта: динамика текстотипа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – Самара, 2016. № 3-2. С.153-161. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2016-22-3-2-153-161>

4. Корум Дж. С. «Корни блицкрига»: Г. фон Зект и германская военная реформа. М., 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/research/corum_js/ill.html (дата обращения: 11.12.2022).

5. Трушина Л. Е. Мифориторика рекламы у Р. Барга // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. СПб., 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature1/trushina-01.htm> (дата обращения: 19.12.2022).

6. Heeke M. Reisen zu den Sowjets. Der ausländische Tourismus in Rußland 1921-1941. Münster-Hamburg: LIT-Verlag, 2003.

7. Heeresverordnungsblatt, № 21.01.1928 / Hrsrg. vom Wehramt. Berlin [Электронный ресурс]. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml> (дата обращения: 29.12.2022).

8. Schneider R. „Viel erstrebt und umstritten“ – Der Dolmetscherberuf im Jahr 1926 [Электронный ресурс]. URL: <https://uepo.de/2022/03/11/viel-erstrebt-und-umstritten-der-dolmetscherberuf-im-jahr-1926/> (дата обращения: 20.12.2022).

9. Wehrgesetz: 23.03.1921 [Электронный ресурс]. URL: <http://documentarchiv.de/> (дата обращения: 20.12.2022).

Источники

1. Павловский И.Я. Немецко-русский словарь, 4-е издание. Рига – Лейпциг: Киммель & Фляйшер, 1922.

2. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 20.12.2022).

3. Langenscheidt: Langenscheidts Taschenwörterbuch der russischen und deutschen Sprache / Bearb. von K. Blattner. 4. Aufl. – Berlin, 1929.

4. М.: Mierzinsky K.: Der russische Dolmetscher. Berlin-Charlottenburg: Verlag "Offene Worte", 1926. 121 S.; Völlig umgearb. und erg. 2. Aufl. 1933. 145 S.

5. MWb.: Deutsch-Russisches, Russisch-Deutsches Militärwörterbuch (nebst Anlagen). Berlin: Verlag "Offene Worte". 1928. 646 S.

S.I. Dubinin (Russia, Samara)

LATENT MILITARY DISCOURSE OF THE REICHSWEHR: SOURCE STUDY OF BILINGUAL MILITARY DICTIONARIES AND MANUALS

The article discusses the features and sources of the latent military discourse of the German Reichswehr in the 1920s. as a predecessor of the Nazi Wehrmacht, the situations of creation and content of German-Russian and other military dictionaries and translation aids are analyzed as representatives of "legal intelligence" in relation to the USSR as one of the potential opponents.

Key words: *Reichswehr, military discourse, military literature, personalities, Mierzinsky, military translation, general bilingual dictionaries, study guides, thesaurus, "legal intelligence".*